



ВЛАДИМИР МАКАРЧЕНКО

ОСЕННИЙ ЛИСТОПАД

СТИХИ

Владимир Макарченко
Осенний листопад. Стихи

«Издательские решения»

Макарченко В.

Осенний листопад. Стихи / В. Макарченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830755-3

В этот сборник вошли стихи, написанные в разные годы жизни. Все они в свое время подсказаны мне душевным порывом. Думаю, они будут интересны читателю.

ISBN 978-5-44-830755-3

© Макарченко В.
© Издательские решения

Содержание

А он уходит	6
День начинается	7
Не отправленное письмо	8
Он стоит во весь рост	9
Сумеют ли.	10
За рекой покосился крест	11
Осенний мотив	12
Напоили коней	13
Уж дождися, родная	15
Про такое слышал где-то?	17
Братья	21
Продразверстка	23
Рассказ старого солдата	25
Почтальонши	27
Встреча у Вечного Огня	28
Без вести пропавший солдат	29
Рисунок памяти	30
Кавказская баллада	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Осенний листопад
Стихи
Владимир Макаренко

© Владимир Макаренко, 2016

ISBN 978-5-4483-0755-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А он уходит

А он уносит под Курантов бой
Все то, что было радостным и горьким...
Там мог я быть растерянным и стойким...
Но только был всегда самим собой.

А он уходит, год прошедший мой.
Он навсегда! Уходит без возврата.
Судьбой взят, точно жизненная плата.
Как саваном одетый в снег зимой.

А он уходит... Рюмок перезвон,
Салют петард, хлопушек серпантина.
На след его рекой прольются вина...
С собой часть каждого уносит он!

День начинается

Утро раннее в речке купается,
Тихо плещется в зыби волны.
А река в изумленье сверкает вся.
Блики радости всюду видны.

В камыше где-то вскрикнула уточка
И лягушек ответил ей хор.
Берег весь ошетинился в удочках.
Рыбаки приковали к ним взор.

Птичьи песни доносятся из лесу.
Тявкнул пес. Где-то крикнул петух.
Ночь ушла, подарила травам росу
И луны диск чуть видный потух.

Утро раннее в речке купается.
Упираются в небо лучи.
Новый день на земле начинается.
Как подарок его получи!

Не отправленное письмо

Ты прости меня, речка-реченька,
Что не шел к тебе больно долго я,
Что судьбой соей изувеченный
Во чужие попал навсегда края.

Ты прости меня, поле-полюшко.
Не забыл тебя, при других делах...
Мне неволею стала волюшка.
За грядущий день набегает страх.

Ты прости меня, дом родителя.
Не ступал давно я на твой порог...
На чужбинушке стал я жителем
И к тебе прийти много лет не мог.

Ты прости меня, небо синее.
Солнце красное тоже не серчай.
Ты прости, зима в белом инее.
Может, выдастся, где меня встречать...

Он стоит во весь рост

ОН стоит во весь рост,
Заслоняя собой
Тесно жмущихся женщин, детишек.
Он стоит во весь рост.
Мир, он твой часовой.
Он – пример для растущих мальчишек...
Сорок первый шел год...
В тупике эшелон...
С диким ревом ползут к нему танки.
Отбомбил самолет...
Всюду крики и стон...
Враг достал на глухом полустанке.
Кто-то крикнул: «Быстрее!»
Укрываться в лесу!»
Все живые метнулись к лесу.
«Посмотрите! Андрей!
С ним солдаты! Спасут!
Не добить нас фашистскому бесу!»
Молодой лейтенант.
С ним пятерка солдат.
Автомат. Три винтовки. Гранаты.
Офицерский наган...
«Всё! Ни шагу назад!
Примем бой! Силы, жаль, маловаты...»
А машины ползут.
С ними цепи солдат.
И совсем не осталось патронов...
Жив один только тут.
Он – Андрей. И сорвалось со стоном:
«Все... Последний привет...»
Держит связку гранат.
Встал он в рост перед серой громадой.
Грохот взрыва в ответ.
Долг свой Отдал солдат.
Чьи-то жизни солдату награда!
...Но стоит во весь рост,
Заслонивши собой
Неизвестных детишек и мам.
И букетик принес,
Кто в далекий тот бой
Лейтенантом спасенным был там.

Сумеют ли.

Ну, вот и все! Закончились «менты»!
И в прошлом уж привычное название.
И как теперь их называть? «Понты»?
Что даст нам это преобразование?
Иль изменился весь у нас народ?
Сейчас за двадцать тем, кто в девяностых
Оставлен государством без забот
И беспризорником мог стать любой подросток.
Стучал на Красной касками шахтер.
«Шмутъем» на рынке торговал учитель.
И лез в карманы малолетний вор,
Кормить которого не в силах был родитель.
Разгул по всей стране «лихой братвы»,
Она-то вот нуждалась в молодежи.
И равнодушие полное Москвы.
Да и кому Москва та и поможет?
Их улица учила бытию.
Их мысли выражались лишь жаргоном.
А духом слабые скрывались, как в Раю,
В наркотиков дурмане по притонам.
Иные под армейский «беспредел»
Бежали от безжалостной «гражданки».
Как сводки с фронта, перечень всех дел
СМИ торопились выдать в спозаранку.
Теперь они, мальчишки этих лет,
Став взрослыми, идут везде на смену.
То поколение эпохи зла и бед
Сумеет ли вписаться в перемену?
И хватит ли счастливчиков из тех,
Кто был обласкан в трудную годину,
На то, чтобы везде их ждал успех?
Куда девать вторую половину?

За рекой покосился крест

За рекой покосился крест.
У дороги, за хилым мОстом.
...Был он гордым виден окрест,
Установленный перед погостом.

Был он знаком границ миров,
Был он Божьим Благословеньем.
Сколько слышал молитвы слов?
Был для всех надеждой... прощеньем.

Парком буйным порос погост.
Фонари и бетон дороги.
И стоят в трехэтажный рост
Виллы тех, в ком нету тревоги.

Эх, Россия! На чьих костях
И забвении вечном, нашем
Строим жизнь, позабыв про страх,
Что святой покой перепашем.

Перероем. Иль нет святынь?
Только маски любви во храмах?
И повсюду, куда ни кинь,
Лишь свое любим «Я» упрямо.

За рекой покосился крест.
Одиноко распяты́е Бога...
Прогниет скоро мостик весь...
И травой зарастет дорога.

Осенний мотив

Танцуют листья свой прощальный блюз...
Дождями плачет расставаясь лето...
Им не возможен с осенью союз.
Во все века легло меж ними это.

Горят кострами всполохи лесов
И красками чаруют хризантемы.
Притихший гомон птичьих голосов
Осенние теперь щебечет темы.

На Юг слетели клинья журавлей
Небесный путь их в легкой дымке тает.
На черных пятнах скошенных полей
Короткий день зарею догорает.

Напоили коней

Напоили коней за околицей.
В седла! Рысью! Пошел! И вперед.
Пусть маманя на образы молится,
Чтоб вернуться пришел мой черед.
Небо хмурится грозною тучею,
Словно держит обиду на нас.
А судьбу не заменишь на лучшую
И назад не вернешь даже час.

А копыта дороженькой пыльною
Отстучат грустный свой перестук.
Едет степью родною ковыльною
Сотня тех, кто не жил без разлук.
И откуда тут враг, и не ведают.
То не турок кордон пробежал!
Тут не знаешь: гордиться победою,
Иль грустить... В сердце тысяча жал.

Красный флаг над казачьей станицею
На звоннице, чтоб видно окрест.
Распластался он злобною птицею
Православный закрыв собой крест.
Не бывать тишине на Дону родном,
Коль такое явилось сюда.
Заслоним от него мы родимый дом,
Чтоб туда не добралась беда.

И в намет! Сабли кровью напоены...
Тех, с кем вместе ходили в поход.
И не раз! Были славные воины!
Но такой на дворе ныне год...
Захотелось земле русской кровушки?
Горьких слез захотелось ей?
Долгим плачем зальются соловушки
Над судьбинушкой горькой твоей...

Казаки молчаливые, хмурые.
Нет радости в ихних глазах.
Где тут разница – красные, бурые
При иных ли гуляют цветах...
Сотни лет для России старались
И к плечу прижималось плечо...
Те, кто ныне живыми остались,
Помянут их зажженной свечой...

Не враги, хоть такими и названы
Теми, кто дал приказ на поход.
Просто судьбы сложились разные...
Кто же все это нынче поймет?
Степь тревожно гудит под копытами,
Словно ранит ее шаг коня...
И останутся позже забытыми
Все, кто в землю poleg в этих днях...

**Уж дождися, родная
(Памяти воинов России,
названных «белоэмигрантами»)**

Не вернуть уж назад
Той октябрьской ночи
Когда вспыхнул раздор...
Не смогли потушить.
И на брата шел брат...
Пахарь или рабочий.
И великий разор
Довелось пережить

Догоравший закат
Запомниться хочет...
Он рубинами лег
По крутым берегам...
«Нет дороги назад.» —
Мысль горько стрекочет.
Свой родимый порог
Мы оставили там.

Не нужны мы тебе
Почему-то, родная.
Или зря лили кровь
За спасенье твое?
Захотелось судьбе...
(Нам досталась шальная)
Твой покинули кров
По желанью ее.

Может, будут еще
Долгожданные встречи.
Может наши сыны
Возвратятся к тебе.
Время быстро течет
Догорит этот вечер
И промчатся, как сны,
Дни нахлынувших бед.

Ты – Россиюшка-мать,
Уж дождися родная,
Не самих коли нас,
Так хотя бы детей.
Мы теперь будем ждать,
Каждый день поминая,

Что наступит и час
Для хороших вестей...

Про такое слышал где-то?

– Посиди, пожалуй, тихо!
Не вертись и не крутись.
Расскажу тебе, как лихо
Повернуть все может жисть.
Нет, не байки. И не сказки!
Все, как было, на духу.
Да не щурь ты хитро глазки!
Все в глазах и на слуху.
Все прошло через вот это,
Что стучит в моей груди.
Коль такое слышал где-то,
Не держу я. Уходи!

Во четырнадцатом годе
Началась та война.
С немцем не сложилось вроде.
Вот и грянула она.
Наши там отцы и деды
Лили кровь, глотали газ.
И дошло бы до победы,
Коль не предали бы нас.
Сдрейфил царь и снял корону.
На кого-то возложил.
Только тот уже до трону
Не дошел и не дожил.
А француз: нужна подмога,
Немец может взять Париж.
Шлите войско, ради Бога!
Припекло француза, вишь!
Добровольцами в народе
Набран был отряд сполна.
Во французском том походе
Был отец мой. Та страна
Через два лежала фронта.
Не проехать, не пройти.
И в верхах надумал кто-то
Морем воинов везти.
Плыли долго до Марселю
(Так рассказывал отец).
Шел не в мягкую постелю
Наш солдатик-молодец.
Шел не на одну неделю...
Кто-то свой найдет конец.
На войне всегда потери.
А иначе нет войны.

Но, в победу надо верить.
Ею все дышать должны.
Отстоял солдат России
Для французов их Париж.
Много мужества посеял.
Стал любим он. Только, вишь...
Все не вечно в этом свете.
Хоть и жисть, а хоть и власть.
Перемен кровавый ветер
Закружил октябрем всласть.
Мир позорный подписали:
Победитель побежден!
Немцу земли поотдали.
Выгода со всех сторон!
А солдат своих, что были
Во французской стороне,
От Отчизны отделили.
Вроде, не нужны оне...

Всяк по-своему на чужбине
Жизнь построил. Кто как мог.
Кто-то в воинстве. При чине.
Сколь людей, столь и дорог.
То не взвод, а сотни... тыщи
Жизней, брошенных страной.
И без крова, и без пищи.
Выжили мечтой одной,
Что в родимую сторонку
Доберутся как-нибудь...
Растуды же их в печенку,
Кто закрыл обратный путь.
Через годы и скитанья
Шел на родину солдат.
Много лет надежд, страданья.
Но пришел! Пришел назад!
Все иначе. все другое.
Всюду красные цвета.
Я, как факт, перед тобою,
Что сбылась отца мечта.
Что в землицу-то родную
Все же выбрался солдат,
Все препятствия минуя,
Не боясь любых преград.
Никому он тут не нужен.
Поснимали все кресты.
– И чего, что был контужен?
На каком же фронте ты
От Гражданской укрывался
И на чьей был стороне?

– Понимаешь... Я остался
На совсем другой войне!
Нас лихие генералы
Немцу заводили в тыл...
– Не ходил под стягом алым?
Значит – просто контрой был!
– Что за войско? Я не знаю...
Не слышал я о таких.
Командир мой, точно знаю,
Туточки. Среди твоих...
– Командир? А кто таковский?
Может, путаешь чего?
– Нет. Не вру я. Малиновский*.
Может, слышал про него?
– Повезло тебе, солдатик. —
Хищно вымолвил чекист.
– Знаете? Ну, Бога ради!
– Вот мы и разобрались.
И моим был командиром...
Послужить уж довелось.
Он отважный. И задира.
Кроет впрямь. Не может вкось.
Я на службу стал иную.
Он по-прежнему в строю.
Может он и помнит
Физаномию твою.
Мы туда пошлем запросик.
Чтоб не допустить прокол...
Больше не был на допросе
Мой батяня... Халхин-гол.
На Хасане и на Финской
С Малиновским был в боях.
По земле прошел берлинской.
Старшина! При орденах!
Был всю жизнь на сверхсрочной.
Помотала нас судьба...

Все как есть. До слова точно!
Память – это не хвальба!
Дай мне, что ли, сигарету...
От волнения подымлю.
Нет! Отца давно уж нету...
Сам уж дед. Пока скриплю.
Ну, пока! И прощайте.
Может время отобрал.
В забвенье не оставляйте
Тех, кто жизни даровал.
Человек любой в героях
Может быть в любых делах.

Только память что-то скроет.
Позабудут чей-то прах.
Сколько их в земле родимой
И без званий, без имен?
Вряд ли всех и возродим их...
Много минуло времен.
Стало нынче так в народе.
Захотелось знать родню.
До того дожились, вроде,
Все враги нам на корню.
Только лишь про хату с краю
Все твердили всякий раз...
Ладно уж... Поотдыхаю...
В добрый путь и в добрый час!

Маршал Советского Союза (1944)
Министр Обороны СССР (1957—1967)

Братья

За столом отец и мать.
Сына два сидят напротив.
– За кого же воевать
Оба ныне вы попрете?
Ну! Ответствуй мне, Степан,
При какой ты этой власти?
Лишний заглотнул стакан?
Иль еще каки напасти? —
Грозно брови свел отец.
Мать слезинку с глас смахнула.
– Вон, каков твой молодец!
Власть ему, вишь, приглянулась.
– Ты, Иван, чего молчишь?
Был же унтером в солдатах.
За какой, скажи мне, шиш
Фронт теперь на наших хатах?
Как без батюшки царя?
Отчего же я в коммуны
Должен все отдать зазря?
Что сказать должен ему? Ну!
Не молчите! Как сычи
Понадулись друг на друга!
Али разны калачи
Мать для вас делила с круга?
Разных мамок молоко
От рожденья вы сосали?!
Отчего же так легко
Вы врагами разом стали?!
Красный флаг от Сатаны!
Степка прет, как бык вдогонку.
И патроны, вишь, даны,
Чтоб палил в твою сторонку.
А тебе, коль, генерал
Даст команду бить по брату?!
Лучше б девок нарожал!
То б война не лезла в хату! —
Проглотил отец комок...
И маманя зарыдала.
...Легкой струйкою дымок
Предвещал зимы начало
За околицей села,
Разделенные рекою,
Два отряда полных зла,
Изготовившихся к бою.
Левый берег – красный флаг.

Флаг цветов России – правый
Брат для брата нынче враг...
Для какой, скажите славы?

Продразверстка

– Петруха! Что застыл как пень?!
Да шевельни его прикладом!
Нам до заката выбрать надо,
Что нам Совдеп писал на день!

Чего-то сеять собрался?
Закончились его посевы.
Его девахи-королевы
Кричали, что, мол, я – босяк!

Сними с него и сапоги!
Посмотрим, кто босяк отныне.
Да врежь ты по хребту скотине!
Все кулаки для нас – враги!

Ставь рядышком его мадам.
И дочек, сучек, рядом тоже.
Пусть говорят, не прячут рожи!
Иначе им устрою срам!

Что, сволочь, будешь говорить?!
Аль оголить все бабье племя?
Аль косами связать за стремя
Да по степи поволочить?

Ты понимаешь, кулаков
Вождя команда сжить со свету.
Уездному дана Совету!
Всех порешим! Без дураков!

Для вас решили цельный свет?
Наели морды, мироеды!
Али приклада дать отведать?
Ну! Будешь говорить, аль нет?

Петрух! Гони-ка баб в народ!
Да посымай с них и исподни.
У нас до черту дел севодни —
Перетрясти весь ихний род.

Заерепенились! Штыком
Зады их жирные потыкать!
Погодь! Чего-то начал мыкать
Наш мироед. Давно б о том!

Пушай прикроют срам от глаз.
Им ведь далече, до Сибири...
Грузить зерно. Все мерить с гирей.
И дальше! Исполнять приказ!

И била больно, била хлестко
По лучшим людям русских сел
Бездушьем, кто во власть пришел,
Лихая ведьма – ПРОДРАЗВЕРСТКА...

Рассказ старого солдата

Под ивой раскидистой
Сел на завалинку
Древний жилец – дед Иван.
Сухонький, жилистый,
Спрятаны в валенках
Ноги. В лице нет румян.
Горькой «махрою»
Газета закручена,
Дым пробирает до слез...
– Давней порою
То было... По случаю
Весть эту кто-то принес.
Бабы рыдали,
Мальчишек ласкаячи,
Думы в мужицких глазах.
В дальние дали
Вести слетались,
Что наступил на нас враг.
Пятеро в доме
Моем горлопанили,
Если не трогать жену!
«Выгоним! Сломим!»
Сталина славили...
К празднику шли... не в войну.
Только, нам стало
С войной познакомиться
Возле столичных дорог.
Вооружили:
Винтовка на троицу.
А командир – больно строг.
Если не так —
То по каждого матери
Матами крыл, как огнем.
Был я дурак
(Не при церкви на паперти!),
Злился. А опыт был в нем.
В нас, попривыкших
К застолиям песенным,
Да к тишине вечеров,
В землю зарывши
Окопную плесенью,
Злобу ковал на врагов.
Бить их, себя
Сохранив от случайности,
Бить их огнем и штыком.

Дух теребя,
Доводил до отчаянья...
Все пригодилося потом...
Я его помню.
Ведь, жизнью обязанный...
Езжу по сей в те места.
Памятник скромный.
Пригорок под вязами.
Там от деревни – верста.
Грудью своей,
Что в меня посылалась,
Пулю тогда отловил.
Много уж дней.
Мне и старость досталась.
Он же... застыл, каким был.
В гипсе холодном,
Под бронзовой краскою
И со звездой на груди...
Был моим взводным,
Без страха с опаскою
Шел завсегда впереди.-
Дед затянулся
И ядом махорочным
Плакать заставил глаза.-
Так вот... Вернулся.
Остался не порченным.
Все я тебе рассказал...
Он отвернулся,
Закрылись усталостью
Веки подвыцветших глаз.
В жизнь же вренулся,
Описанный старостью
Взводный. Прожил еще раз.

Почтальонши

Там, на поле бабы были.
Рвались стоны в небеса...
Прятался в траве-ковЫле
Узкий след от колеса.

На педаль велосипеда
Всей кирзой давил сапог.
«Треуголочки» о бедах
Доставлялись точно в срок.

«Бедоносицей» прозвали
Злые бабьи языки.
Больно ранили, не знали,
Как все слезы ей близки.

Треугольник ее горя
Спрятан тайно на груди...
Ей шептал, прощаясь, Боря:
«Жди... Вернусь... Ты только жди...»

Не вернулся. «Пал героем
На окраине села...»
Самым горьким бабьим воем
Эти строчки приняла.

Что проббили пулеметом
И ее навеки грудь,
Что сломали артналетом
«Почтальонши» ясный путь.

По России бабы были,
Проливая море слез...
Разве где-то позабыли,
Кто Победу нам принес?

И глядят с небес их души
На тебя и на меня...
Нет сограждан равнодушных
Возле Вечного Огня!

Встреча у Вечного Огня

Остался один перегон...
Но взрывами бомб оглушенный,
Слетает под насыпь вагон.
И скрежет металла... и стоны...
Сквозь рваную рану котла
«Кукушка» в последнем дыханье
Сипеньем свистка отдала
Салютное с жизнью прощанье.
Вагон догорел, поневоле творя
Собою костер погребальный...
Случайный налет. Жизней вычеркнут ряд.
От ада – до ада! Печальный
Для бывших «зэка» обернулся конец...
Был шанс – добровольцем на фронт!
Вождю всех времен благодарность сердец
Лесной сохранит перегон...
И лишь одного увезли в лазарет...
Ему повезло? Где ответ?
В свои восемнадцать безрадостных лет
Очнулся... ноги одной нет.
«Остался живым! Кровью смыл ты вину...
Сынишка... – Вдохнул военврач. —
Свою ты закончил, родимый, войну...
Теперь ты свободный! Поплачь...»

Я встретил его у могилы солдат,
Где вечный огонь полыхал,
На шуплой груди не увидел наград.
Но честь ему все же отдал...

Без вести пропавший солдат

На дорогах страшной войны
Потерялись следы солдата...
Он о чем-то мечтал когда-то,
Сын великой своей страны.

Может, лучшим он сыном был.
Может, самым надежным другом.
И ждала письмеца подруга,
Увезенная в дальний тыл.

Утром поднят в атаку взвод.
Твой черед наступил, пехота!
И холодная мгла болота
Над солдатом сомкнула свод.

Весь poleg на болоте взвод
И пропавшим он стал без вести...
И не стать, уж, женой невесте.
Той, которая еще ждет.

Помоги Россия сердцам,
Кто безвестностью этой ранен.
Помоги затянуться ране.
Верни славу дедам и отцам.

Им обязана всем, что есть
У тебя в этот День Победы!
Об их груди разбились беды!
Так верни солдатскую честь!

Рисунок памяти

Морозный вечер. За окном февраль.
Метель заносит снегом лобовое...
До полика прижатая педаль,
Мотор надрывно, перетужась, воеет.

От фар лучи, застрявшие в стене
Внезапно вставшей снежной карусели...
Идет кино о той былой войне,
В которой многим не дойти до цели.

Февраль знобит блокадный Ленинград
И каждый день длинней любой недели.
Дорога жизни. Покидают ад
Детишки, позакутавшись в шинели.

И вьет узор на лобовом февраль,
И быть теплу, коль через смерть проскочат.
Водитель, газа придави педаль!
Навечно не останься в этой ночи...

Прорвешься! Не такое видел ты
За эти дни пути меж берегами.
Еще не время финишной черты.
Детей печурок обогреет пламя...

Это потом найдется постамент
Для битого осколками «ЗИСа»...
А нынче – важный для тебя момент —
Живых детей услышать голоса!

Кавказская баллада

Боль нещадно прибита к вискам,
Мысли тают, как в облаках...
Нужно выжить! Но только... как?
Коркой ран налепился страх.
Грязной ямы тугой смрад,
Гниль соломы под головой.
Ты в плену, молодой солдат.
Заболевшей страны рядовой.
Ты случайно еще жив...
Взвод poleg на холодный гранит.
Организм твой – семи жил.
А разбитое сердце стучит.
...Далеко, под Смоленском, мать.
До чечни ей свосем нет дел.
Ее чаша – тебя ждать
Да писать: чтобы ел... не худел...
Ее доля – слезы ронять
На холодное фото стекло...
Ее радость – сидеть, вспоминать,
Как счастливое детство шло.
Все одно – кто у власти в горах.
Все одно – кто Россией рулИт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.